
Война, победа и культура

Семь выступлений в Госпиталях в Дни Великой Отечественной Войны, 1941 — 1945

Александр Федорович Котс

Речь перед лекцией в Подмосковном Н-ом Госпитале за Октябрьским Полем по Можайскому Шоссе.

11 Октября 1941 г.

Товарищи! Впервые выступая перед Вами в качестве прифронтового Лектора, я полагаю нужным предположить несколько слов, диктуемых условиями нашей встречи:

Вам ли говорить о том, какие дни переживает наша Родина!

Враг у ворот Москвы, он под Можайском. Сто километров отделяют нас от фронта.

Этот Госпиталь и эта аудитория, в которой мы собрались дружною семьей в этот вечерний час, — находятся на линии, один конец которой упирается о сердце Родины, другой — там, где решается ее судьба.

Как человеку невоенному — мне не пристало говорить Вам о защите боевой.

Но есть помимо той борьбы, которая ведется порохом и сталью, некая другая. И борьба эта не менее упорная, чем на полях сражения, имеет, как и там, своих великих призванных вождей, и своих скромных рядовых бойцов.

Я разумею ту борьбу, которая ведется в мире умственной культуры, в мире побеждающих идей.

О ней я буду говорить сегодня.

Ибо яростнее, чем когда-либо, враг силится бросать на нас не только ураганы стали и огня, но и поток отравленных идей.

И, как на фронте стали и огня атаки отражаются огнем и сталью, так и в области враждебных нам идей отпор дается помощью «идейных залпов».

Уничтожить вражью силу стали и огня — есть дело Вас, героев ратных подвигов на поле брани.

Обнажить всю ложь фашистских бредней в их попытке подвести подобие науки под их смрадную идеологию, разоблачить всю ложь и немощь гитлеризма — есть обязанность советского ученого.

Различная идеология войны — вот, где источник бездны, разделяющей сейчас два стана, на которые разбили страны мира.

Стан один — идеология нацистов: покорение всего земного шара, превращение его в «немецкий», и при том «нацистский» через истребление других народов.

Бредовая, безрассудная, бесстыжая, безумная затея!

Позволительно спросить: Откуда эта сумасбродная «идея»?

В чем ее опора и обоснования? В преимуществах германской расы ее умственном или телесном превосходстве?

Но откуда эта наглая претензия? Или забыли Вы — так спросим мы ее защитников — как ровно семь веков тому назад разбиты были Вы на обгаренных кровью ледяных полях Чудского Озера Россией Александра Невского?!

Забыли Вы, что только за спиной России, триста лет Вас охранявшей от монголов, Вам дано было растить свою культуру и терзать ее в междоусобных склоках!

И не той же ли России Вы обязаны позорным поражением Вашего военного кумира, Фридриха II-ого, и спасением от позора его слабого, бездарного и вероломного к России внука!

И не только в царстве пороха и стали, но и в мире мысли и духовных ценностей пора Вам бросить вашу националистическую спесь!

На энциклопедизм **Лейбница** мы вам ответим универсализмом **Ломоносова**, на гуманизм **Лессинга** — не меньшим гуманизмом нашего **Грановского** или **Белинского**, на обличительный сарказм **Гейне** — скорбным юмором нашего **Герцена**, **Чехова**, **Гоголя** и **Грибоедова**, на гении обоих ваших Веймарских поэтов — целую плеядой ярких и недосягаемых для Вас имен: нашего **Пушкина** и **Лермонтова**, **Тютчева**, **Тургенева**, **Толстого**, **Достоевского**! Это — в одной только литературе, без претензии на полноту имен, и только за одно минувшее столетие...

Не то же ли в науке и искусстве!

Здесь достаточно напомнить имена обоих **Ковалевских**, **Мечникова**, **Менделеева**, **Павлова**, **Бутлерова**, **Лебедева**, **Лобачевского**, а в области искусства — целую плеяду, целое созвездие имен, равных которым вы напрасно стали бы искать в нацистской и вильгельмовской Германии.

Короче: Уже на исходе прошлого столетия Россия самобытным гением своих сынов в науке и искусстве заняла одно из самых первых мест среди народов мира, отрицать которое способно только злостное невежество.

Но даже — более того.

Исконным и ценнейшим свойством всей нашей родной литературы мы привыкли издавна ценить те именно ее черты, которые фашистам кажутся особо чуждыми и ненавистными: чувство гуманности, терпимости, отзывчивости к людям, независимо от их народности, от языка и расы, племени и национальности...

И вот эту идею равноценности людей и равноправия народов, эту величавую идею мы бросаем в стан наших врагов помимо пуль и танков, мин и самолетов...

И, как в поисках художественной правды, нами брошены на чашку мировой культуры гениальные творения **Толстого**, **Пушкина** и **Достоевского**, и как в искании научной истины мы дали миру **Лобачевского** и **Менделеева**, так и на фронте стали и огня нашлись у нас герои из героев, — гении отваги ранга незабвенного **Гастелло**!

И в сознании величия нашей духовной, умственной культуры и ее руководящих гениев мы в праве бросить нашему врагу слова священного негодования:

Сумели мы когда-то отстоять свою идейную свободу от таких гигантов мысли, — ныне позабытых вашей одичавшей родиной — как **Гете** или **Гегеля** не для того, чтобы внимать безумным бредням умственных дегенератов типа Геббельса и Геринга..

Не для того мы дали миру гуманистов ранга Льва **Толстого**, **Пушкина** и **Достоевского**, чтобы отдать себя и мир на милость изуверов **Гитлера** с его апофеозом «топора и плахи»!

И в сознании этой ответственности нашей перед Родиной и перед миром, мы, сыны и дочери России, в этот судный час, когда близ исторических полей Бородина опять решаются оружием и кровью судьбы Родины, — мы все уверенно и гордо повторим слова, единственно достойные Москвы, сердца великого народа, Красной Армии, ее великого Вождя:

«**Мы победим во что бы то ни стало!**»

Речь на торжественном собрании в Госпитале 1857 посвященном празднованию 25-летней годовщине Великой Октябрьской Социалистической Революции.

6 Ноября 1942.

Товарищи! В дни небывало-грозные для нашей Родины приходится мне выступать сегодня перед Вами — Воинами **Красной Армии!**

Об этой грозной боевой поре нам говорят руины городов и сёл, немолчный рев орудий, гул моторов, рокот пулеметов, пламенные лозунги со стен Москвы и еще больше те, что наполняют гневом миллионы пламенных сердец от Беломорья до Приморья и от Заполярья до Тавриды.

И на всем этом бескрайнем протяжении нашей страны все помыслы, все жертвы и усилия направлены к единой цели: выковать победу над врагом, навеки отвратить им замышляемое преступление: гибель человеческой культуры.

Грандиозно-героическое время! Никогда еще Россия не переживала времени подобного теперешнему по размеру жертвенных утрат и жертвенного подвига!

Наши утраты! Мы не говорим о навсегда разбитых жизнях, будь то выдающихся творцов культуры или скромных рядовых ее работников, сменивших молот, кисть или перо на пулемет, мысль ученого — на боевой мотор...

Как всё природно-индивидуальное эти людские жертвы и потери невосстановимы никогда и никакими средствами...

Но есть другие жертвы и утраты: навсегда погибшие произведения искусства, памятники старины!

Кто восстановит Волховские и Новгородские «седины», древности нашего Киева, об участии которого невольно думается с содроганием.....

Кто и когда нам восстановит **Истринский** Собор, как некий лучезарный часовой стоявший триста лет на подступах к Москве, как некий символ нашей ранней связи с зарубежным зодчеством, но в самобытном оттенении культурой древне-русского народа.

Кто вернет нам «таганрогский Домик **Чехова**», кто — стены, видевшие творчество наших великих гениев — нашего **Пушкина**, **Тургенева**, нашего **Гоголя** или **Чайковского!**

Но как ни горестны эти возможные потери, эти вещно-материальные свидетели жизни и творчества наших великих гениев — их вечное духовное наследие осталось незатронутым!

Пусть с горечью и болью вынуждены будем мы сказать: Погибло многое из вещных ценностей, погибли стены, видевшие творчество нашего Пушкина и Гоголя... Духовное наследие этих титанов чувств и мыслей, их духовные сокровища остались недоступными фашистской злобе и нацистскому термиту!

Более того. В бездонных недрах нашего народа, — даровитейшего по суждению **Белинского** — найдутся новые таланты, новые гиганты в сфере мысли, чувства, слова, звука, кисти и резца, — таланты или гении, быть может уже окружающие нас и только неприметные за орудийным громом и моторным гулом!

Пусть же те возможные утраты нам послужат скорбным стимулом к тому, чтобы живее, глубже, действительнее оценить наличные таланты, бережнее выявлять, выращивать эти способности и дарования для счастья, гордости и благоденствия грядущих поколений!

И не в этом ли ближайшая задача деятелей умственной культуры в дни войны: способствовать зарубцеванию ранений, ею нанесенных, наподобие тому, как наши оборонные заводы селятся покрыть и возместить утраты в царстве алюминия и стали....

В этом обязательстве, в этой ответственности нас, работников науки перед Родиной, переплетаются призывы, лозунги Войны и мира, фронта ратных подвигов и боевого тыла, мысли и мотора, пулемета и пера...

И в этом смысле, пользуясь крылатым словом величайшего советского поэта, — штык бойца на фронте и перо ученого и убежденное его живое слово подтверждают их единство и идейное содружество.

Это единство рядовых людей науки и героев ратных подвигов есть только отблеск нерушимого единства мыслей, чувств и воли, охватившего наш тыл и фронт на необъятном протяжении нашей великой Родины.

И в этом смысле Вы позвольте мне закончить мою речь коротким словом — лозунгом, объединяющим всех нас, собравшихся сегодня в этом зале.

Это слово — **единение, единство!**

Пусть же это слово, внутренне объединяющее нас, пусть это слово, этот мой призыв из этой светлой залы этих госпитальных стен, из сердца Родины, незримо разнесется далеко отсюда, в потонувшие в пороховом дыму синие дали Дона и Кубани до подножья неприступных гор, туда, где под нависшими пороховыми тучами страна несет свои неслыханные жертвы...

Мы едины в нашей пламенной любви к нашей Великой **Родине** и в ненависти ко врагу.

Мы все едины в безграничной вере в нашу Армию, в ее великого Вождя!

Едины мы в нашей уверенности в полную победу, в то, что наша Армия с поддержкой боевого тыла отстоит нашу Страну, ее культуру, наше национальное достоинство!

Мы будем крепки! будем тверды!

Будем помнить: Каковы бы ни были оттяжки или промедления победы:

Быть не может, чтобы мы не победили!

Приветственное слово на Торжественном Собрании в Госпитале № 4623 в День Празднования Годовщины Великой Октябрьской Социалистической Революции

6 Ноября 1943.

Товарищи! Не в первый раз на мою долю выпадает честь открыто выступить в день празднования нашей великой Революции.

Но никогда еще эта задача не воспринималась мною так волнующе, с таким сомнением в моих силах.

И причины этому двоякие: великое переживаемое время и состав моей наличной аудитории — присутствие Вас — воинов Великого Народа-Победителя!

Великое переживаемое время!

Никогда еще проблема «Быть» или «Не быть» для нашей Родины не ставилась так грозно и неумолимо, как в те памятные дни, когда фашистские дивизии ломались к Волге, норовя пресечь эту гигантскую артерию, идущую от сердца Родины к подножью Кавказа — родины Великого Вождя Великого Народа...

Это был удар по сердцу Родины, рассчитанный неплохо, но сорвавшийся подобно первому — прямому окружению Москвы.

И также, как в те жуткие октябрьские дни, когда столица наша уже грезилась фашистским полевым биноклям — все усилия врага разбились о стальную стойкость **Красной Армии**.

В итоге — сохранение неисчислимых ценностей культуры, вещных памятников и свидетельств одаренности народа, «самого талантливого» по признанию Белинского...

Что же удивительного, если нас, работников культуры, нас, которым вверены Страной заботы об оберегании культурных ценностей, нас потянуло в дни Войны в палаты Госпиталей, чтобы уплатить крупницу долга тем, кому обязана страна спасением своих культурных ценностей.

Не удивительно, что старому ученому сегодня не хватает слов, чтобы хотя бы в малой мере выразить, **чем** мы, работники науки Вам обязаны, Вам, — нашим боевым заступникам!

Но, как отец, встречая возвратившегося с боя сына, не подыскивает слов приветия, так позвольте Вы и мне, в этот торжественный почетный час заботиться не о словах, но лишь о задушевности стоящего за ними чувства, доверяясь больше зову сердца, чем рассудочному размышлению.

Я думаю, что для всех нас одним из наиболее волнующих моментов нынешнего вечера было зачитывание Грамот, сообщающих о награждении Орденами, вручение знаков боевых отличий здесь присутствующему Герою-командиру, — этому храбрейшему из храбрых.

Пусть отныне алая эмаль и золото врученных орденов долгие годы украшает грудь над мужественным сердцем, столько раз открыто выставлявшим себя врагу, и так отважно наносившим ему удары!

И, однако, не для умаления боевых заслуг и боевых деяний награжденных, — этих подлинных героев ратных подвигов, — да будет мне позволено одно признание.

Да будет мне дозволено сказать, что обращаясь к Вам, всем без различия рангов или поранений, и бойцам, и командирам, я ловлю себя на мысли, — что передо мной — **одни орденосцы!**

В такой мере, каждая повязка Ваша или каждое из Ваших поранений представляются в моих глазах достойными и равноценными самых великих подвигов и боевых отличий!

Смею Вас уверить, что входя в Ваши палаты, я всегда и неизменно чувствую, ловлю себя на мысли, что в любой палате, с каждой койки смотрят на меня и светятся сверкающие знаки боевых отличий!

В этом смысле для меня Вы — **все орденосцы!** Независимо от Ваших подвигов, прославленных или безвестных, выполненных, совершенных или так трагически опереженных вражьей пулей, вражьей миной...

И не потому ли, покидая каждый раз палату после окончания беседы с Вами, мне всегда и неизменно чудится, что провожают меня с коек не повязки и рубины крови, но рубины и алмазы высших знаков боевых отличий, что сверкают, светятся они с **каждой** койки **каждого** из Вас!

И унося с собой по окончании беседы с Вами благодарные приветственные взгляды, а порой и слышимые знаки одобрения когда-то мощных, а теперь лишь временно бессильных рук — мне неизменно кажется, что сам я покидаю Вас на положении «Орденосца»: в такой мере я воспринимаю Ваше одобрение, как высший орден, Вами мне дарованный, знак высшего отличия, который я незримо уношу от Вас, глубоко зароненный в моем сердце и в моей груди.

И в этом смысле разрешите мне, как старому и рядовому скромному работнику науки и культуры, обращаясь к Вам, ее защитникам, просить Вас в этот день великой годовщины величайшей Революции — принять мой благодарственный поклон, глубокий и проникновенный!

Речь на торжественном собрании в Госпитале 4623 посвященном Празднованию Первого Мая

1944.

Грозная, неумолимая рука Истории, давно уже чертившая над миром свои огненные знаки, начертала свой неотвратимый гневный приговор.

Еще немного и поставленный перед Судом Истории фашизм будет вынужден держать ответ за все содеянные им злодеяния перед культурой мира и его заступницей *Россией*.

Этот судный час еще не пробил. Не настало еще время для подсчета горя, слез и крови, муки и могил, разбитых тел, расколотых сердец.

Одно лишь можно с достоверностью сказать, что как безмерен героизм, так неисчислимы жертвы нашей Родины.

Мы не имеем здесь в виду потери, нанесенные народному хозяйству, разрушения шахт, заводов, сел и городов.

Как ни громадны эти материальные утраты — они все же могут быть восстановимы и отчасти восстановлены.

Едва успели скрыться в дымной и пылающей дали отряды наших мстителей, как на родных полях родные тракторы уж начали взрывать прописанные кровью земли Приднепровья и Кубани.

Не успел развеяться зловещий смрад пожарищ, отмечающих отход врага, как загремели экскаваторы над возрождаемыми к новой жизни строек...

Протекло немного месяцев, и над волнующейся нивой снова загудел комбайнер, и отпущенные на преступную свободу воды Днепростроя снова заключатся в каменное ложе...

И, однако, как ни тягостны все эти материальные утраты, стынет кровь при одной мысли, **что** навеки окзалось бы утраченным, **чего** мы навсегда лишились бы, придвинься в свое время враг к Москве на двадцать километров ближе в те решающие дни, когда московский Кремль уже грезился фашистским полевым биноклям.

Да, что стало бы с нашим Кремлем — немым свидетелем нашего прошлого, нашей истории? Что с нашими хранилищами исторических культурных ценностей, сокровищ нашей умственной культуры, вещно-видимо скристаллизованной трудом и гением народа, самого талантливом в убеждении **Белинского**, — народа, с боем закрепившего навеки за собой почетнейшее место в мировой культуре.

И, однако, чтобы оценить во всем объеме положение и роль нашей великой Родины в культуре мира и гигантский сдвиг этой ее культуры за одно столетие, — раздвинем грани исторического прошлого и в мыслях возойдя назад за семь веков, попробуем спросить себя:

«Что представляла из себя тогдашняя Россия с точки зрения духовных **мировых** культурных ценностей?»

Эта духовная культура, за отсутствием в ту пору светского образования, совпадала полностью с церковной, бесконечно чуждой пониманию Западной Европы.

Сам «Великий Новгород» — владетель замечательного храма, посвященного святой Софии — символа «небесной мудрости», — являлся для культуры Запада источником не мудрости, но получения мехов и меда, ворвани и сала.

Но, не так ли обстояло дело и во времена Дмитрия Донского, прадеда **Ивана III**-его, сторонника сближения с Западом под непосредственным давлением другой Софии, более земной, — супруги Ионна, греческой царевны, могшей повлиять на «Импорт» умственной культуры, но бессильной в отношении ее «экспорта».

То же самое приходится сказать про Смутную Эпоху и последующее столетие все возраставшей связи с западной культурой: ограниченный лишь внешним бытом, этот «перелом культуры» проходил под знаком лишь одностороннего ее «импорта», угрожавшего к тому же срывом происками третьей «Софьи», в случае ее победы над сторонниками царственного ее брата — будущего преобразователя России.

«Век **Петра**» и «Век **Екатерины**».. и все то же вопиющее несоответствие «ввоза» и «вывоза» духовных ценностей.

Увы! немногим лучше обстояло дело на Руси при воцарении любимого Екатерининского внука и в войне его с Наполеоном.

Не случайно призванный к борьбе с французами **Кутузов**, этот гениальный полководец и великий патриот, представлен автором «Войны и Мира», в дни принятия командования русской армией, за чтением... французского романа.

И, однако же, какую **русскую** литературу мог бы предложить Толстой Кутузову в 12-ом году?

Гению **Пушкина** было в ту пору лишь 13 лет, гению **Гоголя** — три года, **Герцену** — немного месяцев.

В борьбе с Наполеоном мы могли дать Западу **Суворова**, **Багратиона** и **Кутузова**, могли дать доблесть русского солдата, но нам нечем было поделиться в сфере умственной культуры, в сфере мирного труда и созидательного творчества, которое едва лишь зарождалось.

И отстаивая каждый шаг, каждую пядь родной земли в борьбе с захватчиками-чужеземцами, Кутузову, как и Пожарскому и Дмитрию Донскому, как и Александру Невскому невольно приходилось воевать в условиях

полнейшей отчужденности родной культуры от культуры остального мира и не только в отношении врагов, но и попутных переменчивых «друзей».

И отдавая на алтарь свободы Западной Европы тысячи своих сынов Россия Александра I-ого и на вершине своей славы оставалась в самобытности своей культуры столь же чуждой пониманию «Шварценбергов», «Блюхеров» и «Меттернихов», как духовный облик Александра Невского был чужд для понимания Биргером или Батыем.

Проще и понятнее: Международному военному и политическому положению России того времени совсем не отвечал престиж ее идейно-умственной культуры: ее «ввоз» и «вывоз» находились в самом вопиющем, оскорбительном для нас противоречии.

Так было в **Первую** Отечественную Войну.

Но не такими мы вступили во **Вторую**, несравненно более жестокою неизмеримо более ответственную по исходу!.

Хорошо известны гордые слова, когда-то сказанные про научные заслуги Англии:

— «Представьте, что погибли все научные журналы мира и что уцелели лишь издания Лондонского Королевского Общества за 300 лет его существования — сохранность всех главнейших достижений в области Естествознания будет обеспечена!»

Более смелое, чем справедливое это суждение едва ли может быть поддержано и в наши дни.

Но тем увереннее я готов воскликнуть: Отнимите у культуры мира наш идейный в нее вклад за время только одного последнего столетия, отнимите нашего **Толстого, Лермонтова, Пушкина**, нашего **Гоголя и Достоевского**, нашего **Чехова и Горького**, нашего **Глинку и Чайковского**, нашего **Сурикова и Крамского, Репина и Левитана** и слагавшаяся три тысячелетия сверкающая диадема мировой культуры потеряет ряд крупнейших и сверкающих своих алмазов!

Такова зияющая пропасть, отделяющая наше время от начала прошлого столетия.

Сто тридцать лет тому назад мы, защищая Родину, отстаивали только колыбель **нашей** родной культуры и ее грядущие возможности.

Не то — теперь! Былые робкие ростки дали обильнейшие всходы. И обороняя ныне нашу Родину, мы охраняем эту богатейшую, единственную в мире жатву, **оцененную, воспринятую мировой культурой**.

Таково бездонное различие в международном положении России на пороге 19-ого Века и к началу настоящего!

Тогда, сто тридцать лет тому назад, русская Армия, освободив Европу от Наполеоновского гнета, пронесла свои победные знамена до Берлина и Парижа.

Полстолетие спустя эта же Армия в бессмертном описании ее **Толстым**, этим «Гомером Русской Илиады», силой творческого гения завоевала мир, — мир умственной культуры и идейных ценностей.

Сто тридцать лет тому назад казаки русской армии проникли в сердце Западной Европы, принося на остриях своих казацких копий возрождение Германии от Наполеоновского ига.

Век спустя «Казаки» Гоголя проникли... в сердце Африки: Известно, что в «походной библиотеке», сопровождавшей в африканской экспедиции бывшего Президента Сев. Ам. Соединенных Штатов, Теодора Рузвельта, мы нашли бы и «Казаков» Гоголева «Тараса **Бульбы**».

Век назад, на злобные шипения наших врагов, их указания на «рабство крепостной России» можно было возразить словами чешских патриотов, говоривших, что «славянская природа — крепкая, что лучше чувствовать себя рабами славянина, чем немецким подданным!»

А ныне... Пусть попробуют наши враги отвергнуть наше полноправие на фронте мировой культуры!

Этим запоздавшим на столетие «клеветникам России» мы могли бы в дополнение к гневной отповеди нашего великого поэта, бросить вызов, право на который нам дало только минувшее столетие:

Извольте наперед идейно дорасти до нас, до идеалов **Пушкина, Толстого, Горького и Достоевского!** Попробуйте понять всю глубину их **общечеловеческих** исканий!

Вы не пожелали приобщиться к нашей самобытной, национальной умственной культуре, к общечеловеческим гуманным взглядам наших национальнейших поэтов и писателей, идущих — по признанию Ромэна **Роллана** — в «Авангарде мысли всей Европы!»

Вы не доросли до понимания этих идей!

Но вы дерзнули посягнуть на стены, видевшие творчество **Чайковского, Толстого, Гоголя и Чехова...**

Этим Вы сами вызвались на то, чтобы на место «арий Ленского» вы услышали «Марш Буденного», на место поэтических образов казаков Гоголя — вы услышали топот Красной Конницы, вместо художественных сцен «Войны и Мира», закрепивших гнев 50-ти миллионного народа — вы почувствовали на себе живую ненависть **двухсот миллионов** патриотов нашей Родины!

Короче: Вместо Армии **Кутузова** в художественных образах — вы на себе узнаете героику и доблесть **Красной Армии, Армии Сталина**, в ее всеокрушающих для вас ударах.

Приветственное слово на Торжественном Собрании в Госпитале 4623 в День Празднования Годовщины Великой Октябрьской Социалистической Революции

6 Ноября 1944.

Еще немного.. и отброшенные **Красной Армией** фашистские захватчики окажутся на рубеже, с которого три года с небольшим тому назад они, как черный смерч, в безумном ослеплении ринулись на нашу Родину.

Не первый раз победные знамена русской армии проникнут через рубежи Германии, неся свободу, «честь и мир» народам мира.

И, однако, никогда еще эта свобода не была в такой же степени поругана, а искупительные жертвы так безмерно велики.

И в самом деле. Вспомним о свержении Наполеона, подготовленном разгромом его армий на полях России.

Хорошо известно, как в начале нынешней войны, нашествие фашистских орд пытались сравнить с вторжением Наполеона.

Но не менее известно, что самим Иосифом Виссарионовичем **Сталиным** была показана вся несравнимость этих двух событий, несоизмеримость их по технике вооружения, количеству участников, захвату территорий, военному плацдарму и размерам понесенных жертв.

И в самом деле. Ни пространственно, ни даже номинально власть Наполеона не охватывала территории, еще недавно бывшей под пятою Гитлера: ни Юг Балкан, ни Скандинавия не подчинялись Бонапарту, а среди народов или стран, ему подвластных, многие, как Польша или Австрия, не слишком тяготились властью узурпатора.

Как совершенно непохоже это на проклятия по адресу фашизма, раздающиеся ныне от Норвегии до Африки.

Но даже более того.

Ближайшим образом наполеоновская тирания отразилась только на Европе, не коснувшись непосредственно Америки: эта последняя могла не опасаться высадки Наполеона, в горделивом самомнении отрицавшего возможность «пароходства».

Но не то теперь, в век авиации, навеки стершей грани, налагаемые океанами, теперь, когда весь мир еще недавно был охвачен пламенем войны и гнева.

Более того. Различные по широте плацдарма территории, захваченные Гитлером и Бонапартом, несравнимы и по способу захвата, и по «методам» их управления.

Достаточно напомнить триумфальный въезд Наполеона в Вильну и разгром этого города ордами Гитлера, напомнить имена немногих жертв гражданской деспотии Бонапарта (казни герцога Ангиенского и Нюрнбергского книгопродавца Пальма) и о люблинской трагедии с ее бесчисленными гекатомбами безвестных, безымянных жертв.

Но также несравнимы эти две войны и по угрозам их для мировой культуры.

И действительно. Чем угрожала тирания Бонапарта умственной культуре Западной Европы?

В худшем случае — лишь усилением французского влияния и без того царившего над ней, не только властью Монтеスキе, Вольтера и Руссо, не только мирными победами французского театра, покорявшего Европу, идя следом за Наполеоном, но и приобщением к французским нравам и обычаям, французской речи и укоренением галлицизмов.

Но какое может быть сравнение между этой внешней, однобокой и урезанной культурой, насаждавшейся Наполеоном и уничтожением **любой** культуры, угрожаемым Гитлером.

Напомним отношение к Наполеону величайшего поэта нации, им побежденной, — **Гете**, а по смерти Бонапарта — романтические строки, посвященные ему крупнейшими поэтами России, и не только Пушкина и Лермонтова, но и лидера славянофилов — Хомякова..

Никакой романтикой не заглушить убожества ума и нравственного смрада Гитлеризма...

Но тем большая заслуга перед мировой культурой — отвести от мира эту тиранию топора и плахи.

И мы знаем, где, когда и кем была разбита наглая попытка заправил Германии «Восток и Запад онемечить!»

От стального «Сталинского города», от Волги до Днепра — вот, где История России повернула новую страницу мировой истории!

Три города, три имени навеки закрепились в летописи мировой культуры, как живые огненные знаки или символы ее спасения: **Москвы**, города **Ленина** и **Сталинграда**, — три сияющих победных маяка России!.

И куда бы ни закинул Вас в будущем зов сердца или чувство долга — всюду и везде незримо будут Вас сопровождать эти три имени: Москвы, города **Ленина**, города **Сталина**! как три моральных неоплатных обязательства культуры перед нашей Родиной, три исторических свидетельства ее моральной мощи, три почетных несменяемых ее эскорта!

Повторяю: На какую отдаленнейшую землю не вступили бы Вы впредь — Вам, Вашим детям, Вашим внукам, Вашим правнукам **навек** обеспечены признание и признательность культурных стран, как только Вы произнесете слово «**русский**», имя нашей Родины: «**Россия**»!

Будем же достойны этого большого слова, этого большого имени! Будем достойны нашей Родины — страны великого народа-**победителя**, страны великих **Сталинских** трудов и **Сталинских** побед!

Речь на торжественном Собрании в Госпитале 4623 посвященном 27-ой Годовщине создания Красной Армии

23 Февраля 1945.

Время величайшей нашей гордости и славы — эти дни, когда стремительно несутся к Западу знамена нашей **Красной Армии** — великой Армии Народа-Победителя!

И в это время, небывалое по славе и величию для нашей Родины, встречаем мы «**День Красной Армии**», — Вы, люди боевого опыта и госпитальной практики, и среди Вас — старый ученый, чуждый и военного, и медицинского образования.

Естественно спросить: Чем оправдать мое сегодняшнее выступление, эту большую честь, которую Командование Госпиталя оказало мне предоставлением мне приветственного слова?

Отвечая на вопрос, я вынужден сказать: ближайшим поводом для моего сегодняшнего выступления является одна особенность теперешней войны, одна ее черта, которая по самой сущности касается не Воина, и не Врача — но всего прежде рядового представителя культуры и ее поборника.

Ибо мы все под жутким впечатлением гнетущих протокольных актов, заклеивших зверские, неслыханные злодеяния, содеянные всюду, где успела побывать нога фашистских извергов: от Люблина и до Эльзаса леденящим ужасом доносятся до нас картины, по сравнению с которыми бледнеют, меркнут самые позорные и омерзительные сцены позднего Средневековья.

Но созвучные эпохе величайшего культурного застоя, Западной Европы, — эти зверства, совершаемые так свирепо-методически в XX-ом Веке — принимаются как нравственный удар в лицо культуре человечества.

Но с наибольшей болью и всего острее это оскорбление культуры мира чувствуется нами — скромными работниками в сфере умственной, или — что то же — нравственной культуры и в широкой степени ответственными за нее.

Но вот, что замечательно! Задолго до того, как русские ученые стали усматривать в немецких книгах на исходе прошлого столетия зловещие ростки «Расизма» — ядовитые, отравленные семена его были подмечены российскими поэтами.

Достаточно здесь привести немногие цитаты из произведений одного из них — поэта «задушевнейшего чувства».

Обращаясь к современной для него Германии, **Полонский** полон возмущения, говоря:

— «И тот лишь у тебя великий патриот,
Кто из презрительного чувства
К другим народам, — говорит,
Что сам Господь тебе велит
Восток и Запад онемечить!»

Это писалось в дни Парижской Коммуны — три четверти столетия тому назад, но как пророчески-правдиво, словно эти строки писаны по адресу теперешней Германии...

И в самом деле, посмотрите, как глубоко современно, словно писанные в наши дни, воспринимаются слова упрека и негодования Полонского по адресу Германии в исходе третьей четверти минувшего столетия:

«Теперь ты, как палач, стоишь в виду у всех,
И к воплям жертвы равнодушен,
Ты ей на горло наступил,
Ты в ней одобрил дух измены,
Ты, как на плахе раздробил
Ее трепещущие члены...»

И совсем по адресу теперешней Германии звучат слова угрозы-предостережения:

— «Знай, если Франция падет, —
С ее могилы встанет мститель,
Он проскользнет к тебе, как змей,
Он даст тебе понять всю силу
Полураздавленных идей,

непоместившихся в могилу!»

И последний, угрожающий призыв:

— «Скорей вложи твой меч и руку ту отмой,
Которая грозой пороховой, —
Кровавым запахом пропахла!»

Но не отмывать тебе — добавим мы, перефразируя известные слова другого нашего поэта — «не отмывать тебе свою черной кровью народов праведную кровь!»

Скорбному свидетелю и очевидцу небывалых разрушений в области культуры может показаться, что порваны навеки самые устои человеческой морали.

Но тем более уместно вспомнить вещи слова, когда-то брошенные в даль грядущего великим гуманистом, автором «Натана Мудрого», — борцом за равноправие народностей.

Перефразируя эти предсмертные слова, когда-то сказанные **Лессингом**, возможно было бы сказать:

— «Шествуй незримыми шагами, поступью, едва заметной, культура человечества! И да минует нас отчаяние при виде медленности твоей поступи! И да не отчаемся мы даже и тогда, когда шаги твои нам кажутся направленными вспять!»

«Неверно, что кратчайшая линия — всегда прямая!»

Таковы предсмертные призывы и заветы **Лессинга**, столь ненавидимого на одичавшей своей родине.

— «Неверно, что кратчайшая линия — всегда прямая!»

Пусть геометры и математики попробуют уверить нас в противном!

Мы ответим им: Вы правы только в мире циркуля и цифр! Но не то в истории культуры, в мире нравственных идей, в жизни людей и судьбах целого народа.

Или мы не знаем вековых страданий, горестей и мук, среди которых зарождалась, и росла, и крепла наша Родина? Что некогда Полтава предварялась Нарвой, а Бородино — Смоленском, что Бородино и зарево Москвы предшествовали Эльбе и Святой Елене?!

Или мы не знаем, что для **Красной Армии** дорога на Берлин идет не прямо от Москвы, но с боевым «заходом» к героическому Сталинграду?

Да, неверно, что кратчайшая дорога в мир Свободы и Культуры есть всегда.. прямая!

И в сознании этой простой, но величавой Истины, и с непоколебимой верой в прогрессивный ход культуры человечества, да будет мне позволено закончить мою речь горячим пятикратным лозунгом и пожеланием:

Да здравствует Победа **Красной Армии**, Армии **Сталина**, на поле стали и огня!

Да здравствуют победы стали в чудодейственных руках наших хирургов, виртуозов госпитального ножа!

Да здравствуют победы наших героичных раненых на госпитальных койках при борьбе с недугами!

Да здравствуют победы по восстановлению разрушенных заводов, шахт, полей и городов!

Да здравствует конечная победа истинной науки, как основы подлинной единой общечеловеческой культуры!

Приветственное слово на торжественном собрании в Госпитале 4623, посвященном празднованию Первого Мая

1945

Товарищи! Все мы с восторгом только что восприняли победно-торжествующую весть, нам переданную волнами эфира, что победные знамена **Красной Армии** водружены над вражеской столицей: Красные знамена реют над Берлином!

И однако, как ни грандиозна эта величайшая победа, как ни ярки, ни волнующи наши победные салюты, — в орудийном гуле, и в каскадах алых и зеленых звезд и в говоре эфира мы воспринимаем не одну лишь боевую славу Родины.

Невольно к чувству национальной гордости за боевую мощь и славу **Красной Армии** и подвиг боевого тыла присоединяется другое чувство — чувство возрастающего долга перед Родиной по окончании войны.

Словами позабытого поэта-патриота — это чувство долга и ответственности можно выразить призывом, обращенным некогда к бывлой России, но неизмеримо больше приложимым в наши дни:

— «Иди! тебя зовут народы,
И соверши свой бранный пир,
Даруй им дар святой свободы,
Дай мысли жизнь, дай жизни мир!»

Яснее, проще определеннее.

Когда минует время пламени, и крови, и замолкнет говор пороха и стали, и союз мечей уступит дружбе мысли, и когда на смену деятелей ратных подвигов наступит очередь творцов идей и мирного строительства, — тогда величельно и властно встанет перед нашей Родиной вопрос:

«Какие ценности или блага намерены вы дать для жизни мысли и для жизни мира?»

И да не скажут нам: «А имена наших великих корифеев в области науки и искусства! Разве имя Менделеева и Ломоносова не освящали Ленинграда, имена Толстого или Пушкина — Москвы, а имя Чехова — далекой Ялты или Таганрога?»

Да, конечно, и освобождая «Ясную Поляну» и «Святые Горы», мы напоминали миру о великих наших гениях пера и мысли.

И, однако же ссылатся и поныне только на бывлые имена, хотя бы и в немеркнущей их славе — вряд ли отвечает требованиям дня.

Полезно помнить: Вместе с окончанием Войны и с наступлением новой эры мирового положения России — открывается и «Новый Счет» в оценке ее мирных достижений.

И не трудно видеть, что оценка эта будет исключительно сурова, потому что проводиться она будет в отнении все тех же боевых побед — героики города **Ленина**, Москвы и Сталинграда.

Быть достойными этих побед на поле брани — такова задача деятелей мысли и пера, резца и кисти, молота, ланцета, бурава и шила!

Быть достойным боевых побед на поле мирного труда и в мирной обстановке, будь то на заводе, в шахте, в классной комнате, на сцене, за прилавком и конторкой, на просторе золотистых нив и синевы морей, при управлении трактором, комбайном и паровозом и, конечно, всего прежде, всего больше — за «штурвалом» собственного сердца при общении с людьми и в повседневной жизни...

Это — пафос сердца, пламенеющего подвигом на поле мирного труда, горячим словом, образом идеи, мысли, взмахом молота, движением молота и бурава, резца, пера и кисти, или никому неведомой незримой жертвой нравственного подвига...

Как сложится грядущая культура мира — этого никто не знает.

Но одно мы знаем достоверно, ибо это убеждение наше укрепилось огневою пробой величайшей мировой трагедии этой войны, раскрылось для миллионов только в грозном ее пафосе, — то убеждение что этот пафос, эта величайшая ответственность перед собой и перед Родиной должны овеять каждое достойное призвание и в обстановке мирного труда и в повседневной жизни.

Осознать, усвоить пафос и патриотизм нашей героической эпохи и переключить его на пафос и патриотизм мирного труда!

Таков — так думается нам — ближайший вывод и итог, наказ и лозунг вытекающий из величайшей мировой трагедии этой войны. И этот лозунг мы возьмем исходной базой всей нашей работы для последующей жизни.

Так внесем же в этот предстоящий нам великий мирный труд весь пыл и пафос боевого времени, всю страсть, весь нравственный подъем, всю убежденность, всё горение, всю преданность и все самозабвение, которые вы все вносили в ратный подвиг боевого времени.

Да будет среди нас, на поле мирного труда, как можно больше подлинных героев или героинь великих подлинных, хотя бы и безвестных подвигов!

Тогда — и лишь тогда — мы, скромные и рядовые деятели мирного труда, можем надеяться хотя бы в скромной мере выполнить свой долг перед самим собой, перед Родиной, ее великим кормчим и вождем — **Иосифом Виссарионовичем Сталиным!**